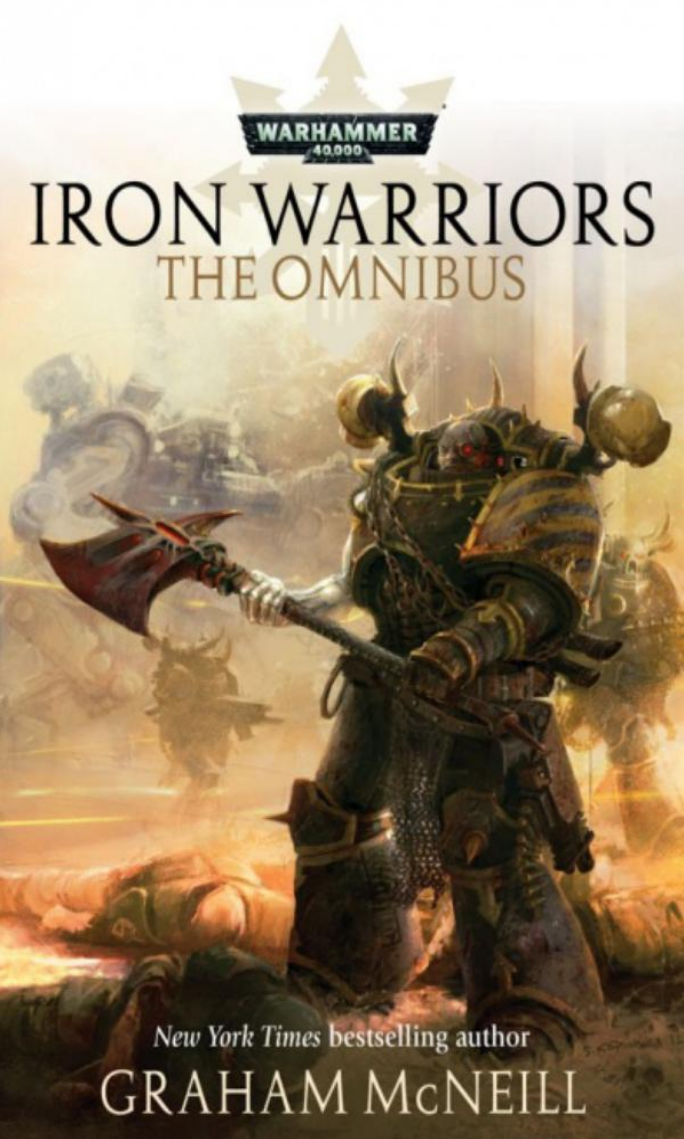

The cover art features a central Iron Warrior, a heavily armored and spiked figure with a helmet adorned with horns and a visor showing red eyes. The warrior holds a large, blood-stained battle-axe. The background is a hazy, golden-hued battlefield with other warriors and structures in the distance. At the top, a large, faint Iron Warrior helmet serves as a backdrop for the title and logo.

WARHAMMER

40,000

IRON WARRIORS

THE OMNIBUS

New York Times bestselling author

GRAHAM McNEILL

Перевод: Hades Wench

- ЖЕЛЕЗО СНАРУЖИ
 -
 - сейчас
 - тогда
 - сейчас
-

ЖЕЛЕЗО СНАРУЖИ

Грэм Макнилл

The Iron Without, G. McNeill, 2012

Его звали Солтарн Фүлл Бронн, и с десятиков позвонков в его спине превратились в такую кашу, что никакой аптекарь, даже знающий все о восстановительных технологиях, не смог бы ему помочь. Кости ног были перемолоты в крошево, левая рука бесполезным бревном торчала из-под деформированного наплечника и отказывалась шевелиться; зато ему удалось освободить правую руку из-под нагрудника.

Циркумвационные линии у входа в пещеру исчезли без следа -- их похоронил под собой обрушившийся свод. Хотя глаза слезились от пыли, он все равно мог видеть, что от вала и его штаба остались только объятые огнем руины. Значит, Тем Дассангра скорее всего тоже мертв. Дассангра не вызывал у Бронна особых чувств, кроме обычного для Железных Воинов недоверия, но он ител

хотя бы некоторое представление о том, что должен знать осадный мастер.

Снабвишиеся легкие из последних сил старались отфильтровать кислород из пропитанного дымом и пылью воздуха, в ушах все еще звенело после страшного взрыва, который и спровоцировал обвал. Бронн сплюнул кровавый сгусток. Он понимал, что позиция потеряна: даже если кто-то из его воинов пережил обрушение, они недолго останутся в живых. Об этом позаботятся орудия Ультрагесанта.

Так в этом и был план?

Другого объяснения Бронн, как ни старался, найти не мог.

Он в точности выполнил все приказы Кузнеца Войны, проявив при этом тщание и готовность — вопреки всему.

Возможно, в этом-то и заключалась проблема.

Кузнец Войны не был похож на других: настоящий изверг, он мыслил иначе, чем было принято в легионе, за который он когда-то сражался. Некоторые видели в этом зачатки величия; другие считали, что этим он порочит всех Железных

Воинов и потому недостойн носить их
эмблему.

Полукровка -- вот как они его
называли.

Безродный выскочка.

Хонсю.

И он бросил их утирать. Бронна
предполагал, что столь рискованная
операция закончится провалом, но все
равно оказался не готов принять такой
исход. Всю свою жизнь он знал только
предательство: начиная с первых дней
Империиума, затем в ходе Долгой войны, и
наконец здесь, на этом последнем рубеже
отчаянного сопротивления. Железным
Воинам судьбой было предначертано
всегда сталкиваться с вероломством, но
для Бронна это финальное предательство
стало особенно горьким.

В отличие от многих, он поверил в
Хонсю.

Несмотря на постыдное
происхождение, полукровка пробивал себе
дорогу наверх с упорством
монофункционального сервитора,
поставленного копать апрош. В

зависимости от ситуации он то демонстрировал слепое повиновение старшим, то проявлял инициативу — и в конце концов добился своего, обойдя тех, кто оказался слабее.

Возможность выделиться погвернулась ему на Гигре Кордату. Бронн помнил бешеную ярость той осады, помнил, как при каждом шаге вперед осыпалась рыхлая почва под ногами, помнил палящий солнечный свет, который заживо иссушал тела рабов и выбеливал кости до того, как трупы были захоронены в основании редутов. Но лучше всего он помнил толстый слой желтой скальной породы и как плохо она поддавалась киркам и лопатам.

Осадные фортификации были сооружены мастерски: каждая сапороходила под идеально выбранным углом, каждая батарея возводилась с быстротой, которую оценили бы даже виртуозы-строители с погибшей Олимпии. Бронн сражался в рядах Великой роты Форрикса и до сих пор помнил, какую почувствовал боль, когда за мгновения до окончательной

победы его командир погиб под огнем
орудий имперской боевой машины. Стоя на
развалинах поверженной крепости,
Форрикс, казалось, вновь обрел давно
утраченное воодушевление -- и именно в
этот миг его настигла смерть.

Когда битва закончилась, Хонсю был
назначен преемником Кузнеца Войны. Он
поставил воинов Форрикса и Кроагера
перед жестоким выбором: признать его
власть как нового Кузнеца Войны и
остаться в живых или отказаться -- и
умереть. Выбирать тут было не из чего, а
потому все воины преклонили колени и
поклонились в верности новому командиру.
После Гидры Коргатус они устроили
взбучку шавкам Ван Даала из Черного
Легиона, а затем вернулись на
Медренгард. Хонсю заявил права на
древнюю крепость Халан-Гол, но жизнь во
утраченном уединении темных башен
оказалась не его делом.

Халан-Гол привлек к себе
завистливые взгляды других, и лорд
Торатино объединил свою огромную армию
со свирепым полчищем лорда Беросса.

чтобы выкурить Хонсю из его горного логова.

Несмотря на боль, которая уже почти истощила немалые запасы его выносливости, Бронн криво улыбнулся, вспомнив, как этот безродный выскочка посрамил двух лордов Медренгарда. Черное солнце демонического мира стало свидетелем их позора, и под его немилосердными лучами их армии были разбиты и обратились в прах.

Но злые языки не замолкали: неправильно подчиняться воину без рога и племени, тому, кто не застал времена Великого предательства, кто не испытал на себе все унижения, которыми Император подверг легион, и кто не заслужил право на горечь и ожесточение, сражаясь на выжженной поверхности Терры. Воины Хонсю теперь стали армией без собственной крепости — неприкаянные бродяги, почти что наемники, и ветераны, которые когда-то сражались рядом с божеством во плоти, с этим не могли смириться.

Даже после разорения Тарсис Ультры

они продолжали говорить, что Хонсю недостойн командовать; даже освобождение повелителя демонов М'Кара из тюрьмы на «Неукротимом» не смогло переубедить скептиков. Они ненавидели его, говорили, что он нечист, и мечтали его свергнуть. Хорошая наследственность и безукоризненная генетика -- вот что было важно для этих интриганов, и сколько бы побед ни одержал Хонсю, они никогда бы его не приняли.

Бронн преследовал и уничтожал всех, кто призывал к расколу, ибо он всегда считал, что война нужно оценивать по тому, сколько крови он пролил, сколько законов вырыл, сколько он построил стен и сколько сокрушил цитаделей.

По этим параметрам Хонсю был настоящим Железным Воином.

Но сейчас...

Бронн мог стерпеть предательство -- к этому Железным Воином было не привыкать, -- но быть преданным одним из своих, и притом так жестоко... Вот что было мучительнее всего.

Неужели под поверхностью Калта

было нечто столь ценное, чтобы
оправдать такое?

Землеройные машины ревели двигателями, изрыгали клубы едкого дыма и выбрасывали поток мелких камней из ног литых шин. У входа в пещеру ждали сто пятнадцать машин, и каждая рвалась с места, словно гончая, учуявшая запах крови. Застоявшийся воздух пропитался запахами машинного масла, кровавых жертвоприношений, бензиновых выхлопов и пота. Вокруг техники толпились больше четырех тысяч людей, облаченных в спецодежду из армированной ткани, с брезентовыми капюшонами на головах и с кирками, лопатами и породоразрушающими сверлами в руках.

Солтарт Фүлл Бронн окинул искусственно расширенное пространство каверны критическим взглядом.

--- Нужно больше машин.

--- Сто пятнадцать -- более чем достаточно, -- ответил Тем Дассангра,

сверхая расположение техники с планати,
которые Бронн нарисовал менее часа
назад. -- Вполне хватит, если передовой
будут бюджет пятьсот метров в ширину и
двадцать в высоту.

-- Ты говоришь «хватит» так, как
будто мы строим шалаш на лугу, а враг
собирается забросать его цветами, --
заметил Бронн.

-- Отнюдь, -- запротестовал
Дассандра, не в силах скрыть нетерпение. --
Я не хуже тебя знаю, как делать
расчеты. Мои логарифмические
вычисления верны, и я даже учел
возможные потери.

-- А если эти потери будут больше,
чем мы ожидаем?

-- С чего бы это?

-- Потому что мы во владениях
Ульрамара, -- ответил Бронн.

-- Эта планета ничем не отличается
от других, -- Дассандра пренебрежительно
пожал плечами.

Они подошли к группе рабочих,
укрывшихся за переносным кинетическим
щитом. Каждый держал на плече тяжелую

кирку и с напряжением ждал приказа начать наступление под сосредоточенным огнем противника. Хотя такой приказ был равносильен смертному приговору, люди казались на удивление спокойными.

— Нет, отличается, — резко возразил Бронн. — Они лучшие бойцы из всех, с кем мы когда-либо сталкивались. Да, они нас боятся, но не настолько, чтобы побежать, как только на их укрепления начнут падать снаряды. Пока Ультрагесантники не сдадут позиций, не сдадутся и они.

— Ты или восхищаешься, — прошипел Дассандра.

— Да не восхищаюсь, дурак, а просто отгадываю ил должное, — отрезал Бронн. — Глупо было бы поступать иначе.

— Если техника не справится, у нас недостаточно мяса, чтобы выстроить стену из тел, — Дассандра указал на тысячи людей, сервиторов и дронов, толпившихся вокруг машин.

Бронн повернулся к отряду, который прятался за переносным щитом, и привычным движением руки вынул из наплечного чехла свой шанцевый

инструмент -- заступ по прозванию Обрушитель. Тусклый металл рукояти покрывали выбоины и царапины -- следы ударов вражеских мечей и топоров, но полумесяц лезвия был остро заточен, словно только что вышел из кузницы арсенала.

Обрушителю довелось участвовать во множестве инженерных работ, связанных с войскаго: с его помощью Бронн соорудил бесчисленное количество окопов, проложил тысячу туннелей под самым твердым грунтом и возвел укрепления столь обширные, что их можно было увидеть с низкой орбиты. Используя Обрушитель как оружие, он снял головы десяти капитанам Кулаков и сломал хребет вождю зеленокожих, захватившему шесть систем; количество простых солдат, изрубленных этим лезвием в кровавом безумии рукопашной, не поддавалось определению.

Бронн с размаху вогнал лезвие в спину ближайшего раба. Хлынула кровь, и человек задержался в судорогах -- перебитый спинной мозг посылал

упирающему телу противоречивые
импульсы.

— У нас много плоти, чтобы
работать с инструментами, и при
необходимости мертвых можно легко
заменить. — Бронна раздражало, что ему
приходится объяснять свои методы
Дассандре. — Машины заменить гораздо
сложнее.

Он высвободил лезвие; на стену
убитому из арьергарда уже бежал новый
невольник. Другие члены отряда бросили
трүн перед бульдозером, чтобы при
штурме его вдавило в грунт.

Опираясь на Обрушитель как на посох,
Бронн начал обход пещеры, намечая линии
наступления и уточняя ранее отданные
приказы касательно возведения
фортификаций. Стоило ему
приблизиться, как во взглядах мертвых
появлялся страх. Правильно, так и должно
быть. Он посылал их на верную смерть, но
лучше уж отправиться под вражеский
огонь, чем вызвать недовольствие у
Железного Воина.

Дассандра следил за каждым его

шагом, искал ошибки и упущения в приказах, но Бронн знал, что тот ничего не найдет. Его помощник раньше служил лорду Бероссу; хотя те, кто пережил разгром при Халан-Голе, и присягнули на верность Хонсю, они были ничуть не лучше побитых собак -- такие же озлобленные и готовые в любой момент укусить испогтишка.

Бронн задержался у машины, стоявшей ближе всего ко входу в следующую пещеру. Это был громадный тягач, восемнадцать колес которого были поставлены на гусеничные ленты с железными шипами; кузов его прицепен был навален на развалинах, которые защитники бросили после того, как обрушился туннель между Вратами Жиллимана и Ущельем четырех голин. Этот камень предназначался для возведения стены, под прикрытием которой разместятся тяжелые орудия Железных Воинов; такой циничный круговорот материала доставлял Бронну немалое удовольствие. Гибкие шланги по бокам машины

пульсировали, словно внутренности живого существа: они будут подавать быстротвердеющий пермакрит, который свяжет щебень, а затем рабы, добавив арматурную сетку, возведут из блоков кладку будущих батарей.

Из полукружья входа в пещеру сочился бледный солнечный свет, отчего Бронну сделалось не по себе. Они же под землей, а под землей должно быть темно. На ход их операции это никак не влияло, но он все равно не мог отделаться от чувства неправильности. Бронн разбирался в геологических нюансах лучше многих; поговаривали — и причём почти без ироники, — что он шепчется с самими скалами.

В любой стене Бронн всегда находил слабое место. Он мог определить, где грунт мягче и, следовательно, проще сделать подкоп. Просто прикоснувшись к скальной, он мог увидеть его внутреннюю структуру, выяснить все его свойства. Другие мастерски проводили эскалады или знали, как наилучшим образом проделать брешь; Бронн же знал все о горной породе.

Он протянул руку, требуя вернуть план, который нарисовал ранее, и Дассандра подчинился с проворством хорошо вышколенного слуги. Бронн проверил расстояния между стенами пещеры, направления атаки и маршруты рассредоточения, по которым проследуют войска, когда выйдут из относительной безопасности этого туннеля.

— Все не так, — объявил он и вскочил на лестницу большого бульдозера с отвалом в виде клыкастой пасти демона. Машина была подарком от Тирана Бадаба по случаю окончания Жатвы черепов и казалась Бронну излишне вычурной. Кабинку водителя прикрывал многослойный бронещит с установленными на нем раструбами клаксонов, так что для обзора оставалась только узкая прорезь.

Бронн рывком открыл дверь кабины и зарычал, увидев сгорбленную фигуру водителя, который был напрямую подсоединен к механизму управления. Это существо — гибрид механических узлов и человеческой плоти — когда-то было

Железным Воином, чьи бранные останки ранее занимали саркофаг гробницы.

— Брат Лакана, — из-за визора шлема голос Бронна звучал приглушенно; он снял эту опаленную огнем деталь с доспехов погибшего Форрика на Гигре Кордату. — Ты слишком выдвинулся вперед. Сдай назад на десять метров.

— Назад не поеду, — проскрежетал водитель; из-за гудения статики в его вокс-передатчике слова еле можно было разобрать. — Должен быть впереди всех, чтобы поставить первый блок.

Бронн вздохнул. Любой неспособный Железный Воин считал работу на таких машинах ниже своего достоинства — и в то же время методы ведения войны, принятые в легионе, зависели именно от такого рода техники. Еще один парадокс в глиняной череде противоречий, свойственных Железным Воинам. Водителями этих машин становились или смертельно раненные воины, или бывшие обитатели гробниц, чей корпус был слишком сильно поврежден в бою; но и в этих случаях новые обязанности не вызывали у

них энтузиазма.

--- Ты должен отогвинуться назад, --
уговаривал Бронн. -- Первый слой для
фундамента нужно снимать одновременно.
На этой глубине скальная порода
перетежается с несвязным грунтом, и
область выемки обрушится, если ее сразу
же не укрепить. Понятно?

Лакүна уставился на Бронна, и не
было никакой возможности угадать, что
происходит в его поврежденном мозгу.
Операторы строительных машин были
подвержены тем же приступам безумия,
которые у дредноутов выливались в
неконтролируемую тягу к разрушению и
превращали их в кровожадных берсерков.

Однако безумие среди водителей было
куда опаснее -- оно могло привести к
уничтожению целой крепости.

--- Понятно, -- отрывисто просигналил
Лакүна и добавил к сообщению порцию
двоичного кода; Бронн, уловивший основной
смысл оскорбительной реплики,
порадовался, что под визором не видно его
улыбки.

--- Просто выполняй приказ. А скажешь

еще раз, что я только заборы умею
городить, -- велю поместить твои тощи в
грон для разминирования.

Хотя одной половины лица Лакүна
лишился полностью, а вторую половину
заменили детали, снятые с сервитора, он
все равно сумел изобразить удивление от
того, что Бронн, оказывается, понимает
бинарное аргю. Из реконструированной
глотки водителя раздался раскат
скрипучего стеха, а затем двигатель
бульдозера взревел, и коробка передач с
лязгом переключилась на задний ход.

Захлопнув дверь в кабину, Бронн еще
какое-то время ехал на подножке машины,
пока не убедился, что бульдозер занял
положенное место, после чего стукнул по
двери и прыгнул на твердый пол пещеры.
Поверхность предварительно выровняли с
помощью потоков мелты, и теперь все
было готово для продвижения землеройных
машин и Черной базилики. Бронн
опустился на колени и, приложив руку,
убедился, что грунт прочен.

-- Пласт выдержит? -- раздался
резкий, глубокий голос командира этой

артии.

Выпрямившись, Бронн коротко кивнул:

--- Он выдержит, Кузнец Войны Хонсю. Это надежная скала, древняя. Из той породы, что выживает всегда, при любых испытаниях. Такая же была и в сердце Олимпии.

В ответ на столь неуместную ностальгию Хонсю покачал головой:

--- Но в конце концов олимпийская скала дала трещину?

--- Трещины появились в душах людей, живших на ней, -- процедил Бронн сквозь зубы. -- Скалы же Олимпии не пошатнулись.

Хонсю никогда не упускал возможности лишний раз напоить своего легиону, как они, допустив бунт среди населения, вынуждены были уничтожить собственную планету. Он вполне утешенно бил по больному, но Бронн уже давно научился не реагировать на такие колкости.

--- Но скалы Калта рухнут? -- спросил Хонсю.

--- Они не устоят перед неотвратимым натиском истинных сынов Пертурabo, -- заверил его Бронн, связвив в ответ.

--- Я так и думал, -- Хонсю криво устехнулся.

Половину его лица заменяла аугметика, вживленная тортициями в деформированную рубцовую ткань, -- результат близкого знакомства с болтерным снарядом и обрушившимся туннелем. Прежняя лукавая улыбка осталась в прошлом, и теперь его лицо было навсегда перекошено в сардонической ухмылке. Одну руку защищали части брони Mk-IV, снятые с погибшего Железного Воина; вторую заменил анатомически точный протез, выполненный из блестящего серебра.

Хонсю заметил, что Бронн внимательно рассматривает протез, и поднял искусственную руку.

--- На ней не останется и царапины, даже если вся пещера обрушится.

--- Зато нас всех раздавит встятку, -- возразил Бронн.

--- Нельзя же все понимать так буквально, -- застелся Хонсю. -- Думаю, потому Железные Воины и ввязались в драку с Воителем. Хорус, наверно, предложил это стелю ради, а Пертурбация поймал его на слове.

--- Вот оно, твое невежество, -- огрызнулся Дассангра.

Бронн поднял кулак, призывая Дассангру замолчать, но такой всплеск эмоций скорее позабавил Хонсю, чем разозлил.

--- А он бойкий, -- оценил он.

--- Служил у Беросса.

--- Ага.

--- Вы пришли за чем-то конкретным, Кузнец Войны? -- решил узнать Бронн до того, как Дассангра поддаться на очередную провокацию.

Хонсю кивнул, показывая, что в этой операции признает авторитет Бронна.

--- Ты готов начинать наступление?

--- Готов. Только прикажите -- и я меньше чем за сутки возведу вал на твоей границе.

--- Хорошо. Кто возглавит первую

волну?

--- Узгом Гент.

Хонсю опять кивнул. Гент достойно держался под огнем. По приказу лорда Торатино Темные Механикус заменили большую часть его нервной системы искусственными рецепторами, в результате чего Гент стал на редкость угрюмым в общении, но в сражении и бровью бы не повел, даже упали снаряды совсем рядом. Именно он руководил строительством апрошей при осаде Халан-Гола, и когда закончилось жестокое побоище, ознаменовавшее последние дни крепости, Хонсю проявил осмотрительность, сохранив Генту жизнь.

--- Скажи ему, что его заменят.

--- Почему? Кто?

--- Мы. Ты и я поведем атаку на долину.

--- Вы в своем уме? -- воскликнул Бронн. -- Зачем вам это?

--- Слишком давно я не брался за тотыгу и не пачкал руки во вражеской земле, -- ответил Хонсю. -- Мне нужно вновь заняться тем, что я умею лучше

всего: строить стены для больших пушек. И для этого мне понадобится тот, кто среди моих подчиненных больше всех знает о горной породе.

— Если полукровка ищет смерти, то мне надо ему мешать, — посоветовал Дассангра. — Никто по нему не заплачет.

Бронн думал, что за такую дерзость командир разделается с Дассангрой на месте, но Хонсю лишь растеялся:

— Может, и так. Оргы Рожденных Кровью подчиняются повелителю демонов, но этой армией командую я, и один из плюсов этого в том, что я могу делать все, что захочу. Бронн, убери от меня этого маленького засранца, пока он не испортил мне настроение, а то я его прибью.

Коротким кивком Бронн приказал Дассангре удалиться, после чего внимательно посмотрел на Хонсю.

— И все же, в чем истинная причина? — спросил он, когда Дассангра отошел достаточно далеко, чтобы не слышать их разговора.

— Мне обязательно нужно объяснить

свои действия? -- ответил Хонсю вопросом на вопрос.

-- Если вы собираетесь задействовать мои машины, я должен знать, что у вас есть на то достаточные основания. Я не позволю подставить их под удар просто потому, что вы хотите что-то доказать повелителю демонов или легиону.

-- И что же мне нужно доказывать?

-- То, что вы -- Железный Воин, -- ответил Бронн. -- Истинный сын Пертүрабо.

-- А этому нужны подтверждения? Посмотри, где мы. Даже Пертүрабо не сумел дотянуться осадными орудиями до Ультратара.

Бронн покачал головой и заговорил тише, чтобы его не услышал никто, кроме Хонсю:

-- Неважно, сколько эскалал вы проведете, сколько брешей возьмете штурмом или сколько крепостей уничтожите. Как Железного Воина они вас никогда уважать не будут, и сегодняшняя операция ничего не изменит. Для этих воинов вы навсегда останетесь

полукровкой.

Положив руку Бронну на плечо, Хонсю развернул его к свету, сочившемуся из входа в пещеру. Среди синеватых клубов выхлопных газов, которые изрыгали бульдозеры и краны, мерцали колонны солнечного света.

— Там, за этим проходом, — мои враги, а за моей спиной — воины, которые с радостью подняли бы против меня оружие, если бы могли рассчитывать на победу. Ты правда думаешь, что я стараюсь на кого-то произвести впечатление? Я знаю, кто я, а мнения других по этому поводу не стоят и орочьего пика.

— Тогда чего вы на самом деле хотите добиться?

— Пусть они увидят, что я веду войну как Железный Воин, — пояснил Хонсю и, склонившись к Бронну, оскалился во внезапном приступе гнева. — Даже если они не считают меня своим, пусть знают, что я сражаюсь так же, как они. Если со мной что-то случится, если хоть кто-то решит выступить против меня, они все сдохнут на этом проклятом булыжнике.

Вот что они должны понять. Я -- единственный, кто может выиграть эту войну, и я хочу, чтобы они это твердо запомнили. Без меня вторжение на Калт обречено.

-- А вдруг мы погибнем в этой атаке? -- спросил Бронн, когда Хонсю уже повернулся уходить. -- Что тогда?

-- Погибнем так погибнем. Какая разница, что будет потом?

Оставив Бронна надзирать за последними приготовлениями к атаке, Хонсю пошел вглубь пещеры, неожиданно для себя чувствуя приятное возбуждение. Он не планировал сам вести наступление в огромный подземный зал -- это решение пришло спонтанно, но казалось правильным. Казалось хорошим. Все, что он сказал Бронну, все до последнего слова было правдой, но правдой неполной.

Хонсю не заботило мнение товарищей по легиону, но голоса, то и дело пробивавшиеся из самых темных глубин разума, требовали, чтобы он раз за разом доказывал, чего на самом деле стоит.

Постоянно. Каждый день, каждую минуту.

У них есть все основания тебя ненавидеть...

Лорду клонов вообще не следовало тебя создавать...

Ты -- всего лишь неудавшийся эксперимент, который избежал уничтожения...

Хонсю редко понимал, о чем говорили эти голоса, так как мало что помнил о своем рождении в качестве Железного Воина -- только отрывочные, разрозненные картины. Память не сохранила и ту, другую жизнь, которой он жил до того, как превратился в существо, столь откровенно темное, по образу и подобию которых он был создан и кому должен был служить. Нет, эта жажда риска, эта дерзливость опасностью были вызваны именно желанием доказать, как ошибаются эти голоса.

Он ничем не хуже любого Железного Воина.

В бою он столь же упорен, столь же изобретателен, столь же решителен, как и воины, что были созданы из геносемени

Пертурabo. И если ему придется пройтись
огнем по целой галактике, чтобы это
подтвердить, — что ж, он так и сделает.

К такому решению Хонсю пришел
давно, но никогда и никому об этом не
говорил. Пусть думают, что он мечтает
стать таким же, как они, мечтает
стать одним из них. Их ненависть
подстегивала его, их глупливая
снисходительность придавала сил.

Его кулаки непроизвольно сжались; из
кожаного чехла на плече он вынул топор с
черным как ночь лезвием. Когда-то топор
принадлежал воину из Черного Легиона, но
Хонсю, убив прежнего владельца, взял
оружие себе в качестве военного трофея.
Именно так он добыл большую часть
своего нынешнего снаряжения:
аугметический глаз был изъят из
разбитого черепа тортиция, а руку из
серебристого металла, неуязвимого для
любых повреждений, по его приказу
ампутировали у пленного
Ультрагесантника.

В глубине туннеля, выходящего на
выжженную поверхность Калта, в

цахтатном порядке выстроились укрепленные блокгаузы. Если Железные Воины делали остановку в ходе кампании, то немедленно возводили прочные стены, чтобы обеспечить себе укрытие. М'Кару, который всегда мог призвать новых демонов, не нужно было думать о потерях, но Хонсю приходилось экономить ресурсы.

Гиганты в вороненых доспехах по-разному проводили свободное время: некоторые разыгрывали различные сценарии осад, заставляя армии заводных солдатиков штурмовать миниатюрные крепости; другие чистили оружие, которое и так уже было отполировано до блеска, некоторые просто стояли, словно безжизненные статуи, в ожидании приказа атаковать. Хонсю заметил Кагараса Гренделя и Свежерожденного: они расположились перед блокгаузом, окруженным уродливыми конструкциями из стали и камня, и отрабатывали приемы ближнего боя.

С тех пор как Ваанес позволил взять себя в плен, обучением Свежерожденного занимался Грендель, но наставник из него

вышел на редкость жестокий и
прямолинейный. В нем не было и следа
того смертоносного изящества, которое
отличало ренегата из Гвардии Ворона.
Ваанес старался превратить
Свежерожденного в умелого воина,
Грендель же хотел сделать из него
эффективного убийцу.

Разница незначительная, едва
заметная в разгар боя, но все же
ощутимая. Хонсю часто наблюдал за
тренировками Ваанеса и
Свежерожденного, с неохотой признавая,
что ему нравится смотреть на танец, в
котором двигались их тела и клинки, --
настоящая хореография смерти, скорее
произведение искусства, чем суровый
поединок. Свежерожденный старался
перенять от Ваанеса не только боевые
приемы: он хотел лучше узнать себя
самого и тем самым преодолеть
собственную природу, стать чем-то
большим, чем ему было дано от рождения.
Тренируясь с Гренделем, ничему такому
научиться было невозможно. Каждый бой --
болезненный, кровавый урок в том, как

лучше убивать, и если Свежерожденный до сих пор надеялся продолжать духовное самосовершенствование и с новым наставником, Грендель был близок к тому, чтобы окончательно выбить из него эти иллюзии.

Хонсю было неприятно смотреть на это создание, неприятно узнавать черты своего главного врага в перекошенной маске из кожи мертвецов, которая служила Свежерожденному лицом. Побочным эффектом генетической варп-технологии, которая взрастила Свежерожденного в матке кошмарной Демонкулабы, было то, что он стал копией Уриэля Вентриса — темной копией. Никто не ожидал, что это существо выживет, но оно не только выжило, но и стало гораздо сильнее, чем можно было предположить. Лучше уж приручить его и воспитать, как удобно его хозяйевать, чем позволить ему самому выбирать, кем быть.

Хонсю остановился понаблюдать, как Свежерожденный дерется с Гренделем.

Никакой красоты в этом поединке не было: два сверхчеловека сцепились, не

думая ни о воинской чести, ни о правилах боя или необходимости их соблюдать. Зная, какими хорошими бойцами были оба, Хонсю предположил, что поединок длится уже долго. Противники дрались безоружными, используя мельчайшую брешь в защите, чтобы нанести удар, и в конце победит не тот, кто лучше, а тот, кто устоит на ногах, когда другой упадет.

Боковым ударом Грендель впечатал кулак в челюсть Свежерожденного с такой силой, что треснул бы и камень. Противник качнулся в сторону, и Грендель толкнул его локтем, сбивая с ног, а когда Свежерожденный упал, вбил колено ему в пах и обрушил серию коротких резких ударов на его горло. Хонсю поморщился, слыша, как хрустят ломающиеся кости и рвутся мышцы. Поединок явно подошел к концу, но Грендель и не думал останавливаться.

— Думаю, ты его побил, — вмешался Хонсю, и Грендель обернулся к нему с торжествующей улыбкой. Грудь воина с широкезлом все еще тяжело вздымалась в адреналиновом приливе, в то время как

Свежерожденный перекатился на бок, и из его рта извергся целый поток зловонной жидкости.

--- Напоминай мне при случае, что связываться с тобой не стоит, -- сказал Хонсю, протягивая руку своему лейтенанту, а когда Трендель посмотрел на него снизу вверх с выражением жгучей злобы на изуродованном шрамами лице, добавил: -- Даже не думай.

Трендель пожал плечами и взялся за протянутую серебряную руку, позволив поднять себя на ноги. Кровь, в которой были измазаны его кулаки, впиталась в поверхность чужеродного протеза, не оставив и следа.

--- Когда закончит эту войну, давай встретимся на ринге, -- предложил Трендель. -- Я еще с Халан-Гола мечтаю выбить из тебя дурь.

--- Это взаимно, уж поверь, -- ответил ему Хонсю, -- но ты пока нужен мне живым.

Трендель покачал головой из стороны в сторону, разминая мышцы шеи, и сплюнул слюну, красную от крови. Свежерожденный с трудом поднялся на

ноги; под его кожей разливалось слабое свечение, как будто под доспехами в его теле скрывалось не бьющееся сердце, а светосфера. Сломанные кости уже начали срастаться, края порезов, оставленных на лице железными кулаками противника, стыкались, закрывая раны. Хонсю давно выяснил, что это создание может восстановиться даже после самых ужасающих повреждений, но такая потрясающая способность к регенерации каждый раз вызывала в нем смутное беспокойство.

— Пора начинать атаку? — спросил Свежерожденный.

Хонсю кивнул, но упорно продолжал смотреть на Гренделя.

Под плохо сидевшей маской из чужой кожи в лице Свежерожденного отчетливо проступали патрицианские черты, доставшиеся ему по наследству. Хонсю не знал, как выглядело это существо до трансформации, которой подвергла его Демонкулаба, но его теперешняя внешность в точности повторяла облик его генетического предка — Уриэля

Вентриса.

-- У Бронна все расставлено по местам, и мы готовы выдвигаться, -- сказал Хонсю.

-- Мне не нравится Бронн, -- заявил Грендель.

-- Тебе никто не нравится.

-- Это правда, -- Грендель не стал возражать, -- но он меня нервирует. Очень нервирует.

-- Почему? -- удивился Свежерожденный. -- Насколько я могу судить, Солтарн Фүлл Бронн -- в высшей степени компетентный воин. Его познания в геофизике удивительны и превосходят даже ваши, Кузнец Войны.

Хонсю подумал было обидеться, но вынужден был признать, что Свежерожденный прав.

-- В нем есть что-то колдунское, -- пояснил Грендель, поводя плечами, чтобы снять напряжение в мышцах. -- Мне плевать, в скольких осадах он участвовал, -- нельзя узнать, что находится внутри горы, просто остатривая и щупая камень.

-- Неважно, как он это делает, --

ответил Хонсю, — зато он никогда не ошибается.

— И это верно, — согласился Грендель, с обычной легкостью меняя мнение. — Сколько ему еще осталось строить вал до необходимой высоты?

— Неголго, он управится за день.

— Мы потеряем много людей, ведя строительство таким темпами, — заметил Свежерожденный.

— Мы можем потерять не только людей, если не будем торопиться.

Свежерожденный кивнул, признавая логику Хонсю, но затем удивленно наклонил голову, угадывая скрытый за словами намек.

— О чем вы нам не говорите? — спросил он.

Эта атака, как и другие атаки Железных Воинов, началась с сокрушительного артиллерийского залпа. Зарокотали орудия, установленные у выхода из туннеля, и пещеру заволокло гудушливым дымом. Мощные вытяжные установки на своде всасывали дым и

выводили его через вентиляционные шахты на поверхность Калта, но все равно не могли полностью очистить воздух от легкой примеси химических веществ, созданных в самом сердце демонического мира. За первым залпом сразу же последовал второй; чтобы утолить голод прожорливых орудий, мутанты и полумеханические рабы, накачанные гормонами, постоянно подтаскивали к батареям тяжелые грузовые платформы со снарядами.

Бронн видел, что для намеченной цели сектор обстрела у орудий слишком узок, но размеры прохода между кавернами не позволяли его существенно улучшить. Вся пещера содрогалась от яростных залпов, и когда сверху сыпались пыль и каменные осколки, Дассангра поднял голову, придирчиво осматривая кровлю.

--- Ты впустую беспокоишься насчет свода, -- сказал ему Бронн по внутреннему воксу. -- Порода над нами достаточно крепкая.

--- Ты уверен?

--- Абсолютно.

Не похоже было, что его слова убедили Дассандру, но Бронн не собирался тратить время на споры. Если его помощник не умеет оценивать структурную прочность скалы в таких условиях, то он не достоин называться Железным Воином.

Вся пещера наполнилась бесконечным грохотом орудий, издалека доносились звуки взрывов, и Бронн вдруг заметил, что их тональность немного изменилась.

-- Почва и абиссальные породы, -- заметил он со злостью. -- Мы бьем по их укреплениям.

-- Считаешь, надо передислоцировать орудия?

Бронн обдумал предложение Дассандры. В нем был определенный смысл: сейчас артобстрел не наносил существенного урона -- может быть, под огнем погибли несколько отрядов ультрамарской пехоты, но уж точно не кистические десантники, которые наверняка засели в долине чуть дальше.

-- Да, -- решил он наконец, -- но помни, что цель обстрела -- не уничтожить

врагов, а не давать им высовываться. Передвинь орудия вперед и прикажи флангам увеличить темп огня, когда их сектора обстрела расширятся.

Дассангра передал приказ орудийным расчетам, и через мгновение интервал между залпами, и так небольшой, еще сократился. Орудия продвинулись на указанные позиции с математической точностью, и на долину обрушился новый шквал снарядов; пыль и каменная крошка плотным туманом висели в воздухе.

Бронн почувствовал, как угрожает земля от чьих-то шагов, и по резонансу в породе определил, что приближается Кузнец Войны. Обернувшись навстречу Хонсю, он увидел, что тот держит в руках пехотную лопату. Как и Обрушитель, она одинаково хорошо могла послужить и как шанцевый инструмент, и как оружие.

— Ваша? — уточнил Бронн.

Хонсю кивнул и поднял лопату повыше, чтобы Бронн смог рассмотреть все детали. Сталь рукоятки покрывали зазубрины, на лезвии остались следы от

ударов и по твердому грунту, и по хрупким
костям. Бурые чешуйки на металле
свидетельствовали о множестве убитых
врагов, а засохшая земля на шероховатых
краях была собрана на таком же
бессчетном множестве планет.

-- Я сам ее сделал, -- с гордостью
сказал Хонсю и протянул лопату Бронну.

-- Как и положено истинному
Железному Воину, -- одобрил Бронн,
взвешивая инструмент в руке. --
Большинство из тех, что я видел, были
поглубже.

-- Весь шанцевый инструмент в
оружейных мастерских Кузнеца Войны
Тарасиоса делался с короткими
рукоятками. Удобнее использовать как
оружие, если нужно сражаться в окопах.

В глазах Бронна мелькнуло уважение
к погибшему Кузнецу Войны:

-- Именно он пробил брешь в
Нефритовом бастионе, -- сказал он с
восхищением. -- Я и забыл, что вас обучал
Тарасиос. Теперь понятно, почему центр
тяжести смещен к лезвию.

-- Ты не хуже меня знаешь, в какую

тысясорубку превращается оконная война, --
сказал Хонсю, забирая у него лопату. -- Все
решают грубая сила, ярость и короткий
затах -- а мастерство не так уж и важно.

-- С этими навыками у вас проблем
нет, -- застегнулся на это Бронн. -- Драчун и
забияка -- вот вы кто.

-- Это комплимент или оскорбление?
-- уточнил Хонсю.

-- Вам решать. Готовы применить
ваш инструмент по назначению?

Хонсю широко улыбнулся и прижал
лопату к груди:

-- Приказывай, Солтарн Фүлл Бронн.

Бронн затахнулся Обрушителем и
затер так на несколько долгих мгновений --
а потом вогнал лезвие в твердый грунт
под ногами. Оплавленный камень
раскололся, пустив во все стороны
трещины, и за спиной Бронна раздался
громогласный рев -- то кричали тысячи
рабочих.

Под аккомпанемент артиллерийского
залпа Бронн перешел на тяжелый,
размеренный бег и встретился к выходу из
пещеры. Пол задрожал: землеройные

машинны тронүлись с места и двинүлись следом, объезжая орудия; были и гүдели клаксоны, сливаясь в единый вопль, -- сигнал того, что Железные Воины идүт на штурм үльтратарских үкреплений.

Бронн, бесстрастный и неүтолимый, бежал, не сбавляя шага; с одной стороны за ним следовал Хонсю, с другой -- Тем Дассангра. В их движениях не было спешки -- лишь үжасная неотвратимость, которая и раньше сокрүшала самые неприступные цитадели. Громыхнүли гаүбицы; рев двигателей эхот разносился по пещере, напоминая завывание целой армии демонов.

Чем ближе они подходили к выходу из пещеры, тем ярче становился свет. Шүм стоял оглүшительный, үдарные волны следовали одна за другой сокрүшительным напором и сводили на нет все үсилия авточүств хоть как-то приглүшить эту какофонию разрушения. Когда они добрались до передовой батареи «Василисков», Бронн всем телом ощутил вибрацию от их залпов. Облака пороховых газов клүбились и извивались,

складывались в причудливые вихри и растекались в стороны, следуя направлению подземного ветра или уступая тяге вентиляционных установок.

-- Железо внутри! -- заорал Хонсю.

-- Железо снаружи! -- подхватил Бронн.

Хонсю уже видел Ущелье четырех долин -- через оптику дистанционно управляемых дронов, каждый из которых успевал передать лишь мимолетное изображение, прежде чем погибнуть под убийственно точным огнем противника. Теперь пришло время впервые посмотреть на эту местность собственными глазами. Похоже, до войны этот край -- преддверие более глубоких пещерных систем -- был воплощением пасторального изобилия, сейчас он казался иллюстрацией к «Кастеллум Арканикус», великому трактату Пертурabo. Траншеи изрезали ландшафт, как швы -- лицо Свежерожденного.

Земляные редуты и опорные пункты, сооруженные из пермакрита, защищали

возвышенность, а для прикрытия «мертвых зон», возникших из-за рельефа местности, строители добавили стрелковые окопы, автоматические огневые точки и бронированные ДОТы. С какой стороны ни посмотри, это была устрашающая система укреплений, созданная в лучших традициях фортификации; но то, что для Ультрагесанта было лучшей традицией, Железным Воинам казалось банальным.

Дорогу, ведущую на глубинные ярусы, преграждали три крепости из зеленого серпентинита, расположенные полукругом на равных промежутках друг от друга, чтобы обеспечить перекрестную оборону. Хотя бастионы были хорошо укреплены, их анфиладный огонь для Железных Воинов был лишь мелким препятствием.

Хонсю потребовался один лишь взгляд, чтобы оценить фортификацию противника. Он сразу увидел, где укрепления хуже всего, где лучше прокладывать апрош (копоть который придется уже не ему), где именно Ультрагесант намеренно ослабил оборону.

надеясь заманить врага в ловушку. Секундой позже панорамы скрылись из вида. прогремел новый залп, гудкие взрывы подняли фонтаны земли, и все ущелье погрузилось в хаос огня и дыма.

Хонсю встретил грохот обстрела с широкой улыбкой, испытывая почти животное наслаждение от того, что оказался на острие атаки. Перед ним лежало гладкое плато овальной формы — смотровая площадка для туристов, которые спускались в подземелья Калта, чтобы восхититься чудесами технического гения, превратившего неграмотного мира в бескрайнее жилое пространство, изобильное и безмятежное, как настоящий рай.

Но всего за миг чудо превратилось в кошмар.

Враг открыл ответный огонь, и первые снаряды с чудовищным, оглушительным гулом взорвались над плато. Боеприпасы воздушного подрыва обрушили на землю град раскаленных докрасна осколков; некоторые были глиной с палец, другие размером с голову топора

и такие же острые. Для рабочих-невольников этот обстрел стал настоящей бойней. Хонсю видел, как одного мужчину осколки исполосовали до костей, а через секунду ударная волна превратила скелет несчастного в бесформенную массу.

Целый отряд рабов, одетых в какие-то отренья и вооруженных тяжелыми кирками, исчез в вихре летящей шрапнели — пылающие осколки не оставили от них ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего человеческие тела. Жертвы первых минут обстрела исчислялись сотнями; еще столько же погибло в огненном шторме, который затем охватил плато. Хонсю слышал, как кричат невольники, но не обращал на них внимания. Потери среди простых смертных ничего не значили: ради своей цели он пожертвует миллионом жизней, а если этого не хватит, то добавит еще миллион.

И воздух, и земля дрожали от взрывов, отчего искрометанные трупы подергивались, словно в танце смерти. Пелена черного дыма, изменения плотности воздуха, когда внезапный

вакуум сменялся ударной волной, — ориентироваться в этом светопреставлении было невозможно. Невозможно было сказать, где верх, а где низ, где право и где лево; все исчезло в невыносимом хаосе звука, света и избыточного давления.

Доспех защитил Хонсю от самых страшных последствий этого адского урагана, но и он не обеспечивал полной неуязвимости от столь титанических разрушений. Пластины брони гудели, и ему казалось, что кто-то в такт шагам палит ему в затылок из ружья. Почва под ногами колыхалась, как при мощном землетрясении; одежда на трупах тлела, то и дело вспыхивая короткими языками пламени.

Он мало что мог разглядеть вокруг: мешали облака дыма, клубившиеся под градом шрапнели, и только огненные толщи, вонзавшиеся в землю, стробоскопическим светом выхватывали из тьмы очередную картину агонии и смерти. Черные воронки заполнились кипящей кровью, оторванными

конечностями, обезглавленными телами, костью, на которых не осталось и клочка мяса. Хонсю потерял из вида и Бронна, и нескольких Железных Воинов, что пошли с ним в атаку. Не было никакой возможности определить, живы они или превратились в такую же бесформенную мешанину из плоти и металла.

Прилив агреналина толкал Хонсю дальше, заставлял идти сквозь этот шквал разрушения. Он понимал, что рискует по-глупому, что просто рискует, безрассудно подвергая опасности все вторжение; но как еще можно было показать воинам, которые следовали за ним, что он готов поставить на карту и свою жизнь тоже и умеет сражаться так же, как они?

Что-то врезалось ему в висок с такой силой, словно по шлему ударил громовой молот гредноута, в результате чего Хонсю оказался не только сбит с ног, но и пролетел какое-то расстояние. Мимо в таком же стремительном полете промелькнуло еще чье-то тело; чувствуя, как его бросает, как листок на ураганном

ветру, от одного волнового фронта к другому, Хонсю сгруппировался, готовясь к жесткому приземлению.

Так и вышло; после падения он проскользил еще несколько метров по изрытой воронками поверхности. Остановился, быстро проверил, на месте ли руки и ноги, и, опираясь на лопату, встал. Летящие снаряды продолжали чертить огненные дуги в «небе» над платом, но даже грохот взрывов казался сейчас далеким и нереальным.

Запах горелой плоти заставил Хонсю опустить голову, и он увидел, что из его нагрудника торчит глиняный осколок снаряда. На раскаленном металле еще можно было рассмотреть очертания белого орла и буквы шаблонного текста. С коротким стоном Хонсю выдернул острый как кинжал осколок, на десять сантиметров своей глины испачканный кровью.

— Так просто меня не достать, — прорычал он, бесстрашно стоя под обстрелом.

Несмотря на неутихающий град

снарядов, землеройные машины Бронна
продвигались вперед. Военпринасы
воздушного взрыва мало что могли
сделать с усиленной броней на их крышах,
и машины беспрепятственно продолжали
сдвигать к краю плато горы щебня и
каменной крошки, которые становились
все выше. Эта берма из калтской земли
была высотой по пояс и должна была
послужить временным укрытием для
смертных рабов, пока не будут возведены
более основательные укрепления.

Вражеские артиллеристы заметили,
что впустую тратят боеприпасы
воздушного подрыва, губительные для
людей, но не для машин, а потому
переключились на фугасные снаряды.
Угачные попадания в жизненно важные
узлы повредили несколько десятков машин,
а некоторые вывели из строя полностью.
Хонсю увидел Дассандру -- тот махал
землекопам, подзывая их на место
уничтоженных бульдозеров.

Хонсю вспомнил, как после падения
Халан-Гола Дассандра с удивительной
готовностью присягнул на верность новому

командир. Не стоило его за это винить: какой смысл хранить верность господину, чья звезда закатилась? Хонсю и сам поступил бы так же, но с такими починенными была одна проблема: они хранят верность, только пока командир ведет их к победе и в то же время дает им шанс проявить себя -- иначе они станут кусать руку, которая их кормит. В памяти всплыли прощальные слова Гурона Черное Сердце, и Хонсю решил, что не станет брать Тему Дассандру с собой, когда придет время оставить это поле боя.

-- Вы так и будете тут стоять или все-таки поработаете этим вашим инструментом? -- осведомился Бронн, вынырнув из завесы дыма и пыли. Ухмыльнувшись, Хонсю сжал короткую рукоятку лопаты обеими руками:

-- Говори, где копать.

Бронн указал на передний край плато. Вместе они бросились туда, пробежав мимо объятых огнем экскаватора. Кабина его превратилась в груду металла, резиновые шланги обнажились и

расплавилась; но и сейчас в кабине кто-то шевелился -- кто-то, кого не могло убить даже это адское пламя. Облако густого дыма скрыло ужасные детали, и Хонсю успел заметить только почерневший череп на глиняной, извивающейся как змея шее и рот, разверстый в крике агонии, которая не кончится никогда.

-- Эту траншею нужно углубить на метр и расширить минимум на полметра, тогда можно будет выдержать обстрел, -- прокричал Бронн. -- Вот вам задание!

Резкий тон приказа не вызвал в Хонсю злости. На этом этапе кампании командовал Бронн, и если он считал, что для пользы общего дела нужно сослать собственного Кузнеца Войны в окопы, значит, так тому и быть.

-- Считай, уже сделано, -- ответил Хонсю и спрыгнул в траншею.

Внизу трудились около сотни рабочих-стертных в потрепанной спецодежде, кирками выбивая на камнях Калта ритмичное стаккато. Некоторые обернулись в его сторону, но большинство

не поднимали головы -- боялись, что если посмотрят вокруг, то разрушат иллюзию безопасности и увидят смерть совсем рядом, а та в свою очередь заметит их.

--- У-и взяли! -- заорал Хонсю, не зная, слышит ли его хоть кто-то в неумолчном грохоте артиллерии. -- У-и раз!

Он вознал лопатой в грунт, и лезвие прорезало почву с такой легкостью, будто это была нежнейшая плоть. Провернул клинок лопаты, отбросил землю назад и, ни на секунду не сбившись с темпа, поддел новую порцию земли, прежде чем первая успела упасть.

--- У вместе!

Своими движениями он задавал механический ритм и остальным. Воткнуть, проверить, вынуть, отбросить. Последовательность действий не менялась, и Хонсю улыбнулся, вспоминая свои первые дни в легионе. Дни, которые он провел лежа пластом на дне траншеи, наполняя мешки и габионы вынутым грунтом. Мышечная память в руках никуда не делась и, помноженная на физическую силу, превратила его тело в

машину, способную работать без остановки. И эта работа казалась правильной -- в ней была ясная цель, к которой ни теждоусобицы, ни горечь прошлых предательств не имели никакого отношения.

Только человек и земля, которая послушна его рукам.

Глянув влево от себя, Хонсю заметил, что рабочие пытаются копать в одном ритме с ним. На это им не хватало ни скорости, ни сил, но теперь они все хотя бы трудились сообща. Траншея уже расширилась на нужное расстояние и теперь становилась глубже с каждой минутой.

Над головой раздался пронзительный визг -- громче, чем вой других снарядов, и так напугавший крики целой стаи банши. Хонсю посмотрел вверх и среди лохматых, беспокойных облаков увидел яркий росчерк инверсионного следа от снаряда, который скользил по нисходящей дуге с ужасающей медлительностью, целясь точно в его траншею. Наверняка снаряд летел слишком быстро, чтобы

уследить за ним взглядом, наверняка до попадания оставались секунды, но Хонсю бигел этот элегантно вращающийся предмет с такой ясностью, словно все происходило в замедленной пиктосъемке. Объемный корпус снаряда, конической формы, был лазурного цвета с позолоченной головкой. Хонсю показалось, что для боеприпаса на нем слишком много украшений. Интересно, какая смерть лучше: от оружия из простого металла или из драгоценного?

— Ложись! — крикнул он, хотя вряд ли кто-то мог его услышать, не говоря уж о том, чтобы среагировать на предупреждение вовремя.

Хонсю бросился к передней стенке траншеи, которую сам же только что отрыл, вжался в земляной бруствер и начал надеяться, что этот снаряд окажется не из тех везунчиков, которые накрывают цель прямым попаданием. Но, услышав даже сквозь рокот взрывов, как воет на излете именно этот снаряд, он судорожно прижал лопатку к груди, так как слишком хорошо разбирался в звуках.

сопровождающих артиллерийский обстрел. Звук этого снаряда говорил ему, что он окажется прямо в эпицентре взрыва.

Хонсю закрыл глаза и выдохнул; снаряд завершил свой полет.

Фугасный снаряд угодил точно в середину траншеи, словно неведомый математик лично рассчитал его траекторию. Стены направили энергию взрыва вдоль траншеи; рабочие, оказавшиеся ближе всего к точке падения, превратились в пенел, те, кто стоял дальше, были разорваны на куски плотным потоком осколков. Ударная волна была столь мощной, что людей просто выдергивало из одежды, и их обнаженные тела теряли всякую форму, превращаясь в изломанную, гротескную мешанину.

Энергия взрыва вытащила Хонсю из траншеи и подбросила в воздух. Отраженные ударные волны тянули его тело в сотне разных направлений одновременно, и визор расцветился красным. Трещали пластины брони, расходились швы между ними, лопались трубки, до этого скрытые под

нагрузником, и теперь из них под высоким давлением вырывались корродирующие газы и драгоценный кислород. Хонсю мгновенно утратил всякую способность к пространственной ориентации и выяснил, где низ, только врезавшись в стену из укрепленных сварной сеткой бетонных блоков, которую толкали вперед машины второй волны.

Перед блоками собралась огромная куча строительного мусора, в которую Хонсю и погрузился, полностью потеряв возможность двигаться. Тело было все еще парализовано сокрушительной силой ударной волны, так что он мог только рычать от бессилия, чувствуя, как машины сталкивают его вместе с блоками к краю траншеи. Под толстым слоем грунта и щебня руками невозможно было пошевелить, а каждый нерв внутри него до сих пор дрожал после взрыва.

Черный провал в земле приближался, и Хонсю понял, что траншея вот-вот станет его могилой, а он ничего не может с этим поделать. Быть похороненным в основании собственных укреплений... Что

это, достойное завершение его короткой карьеры в качестве Кузнеца Войны или просто жестокая ирония судьбы? Хотя все было бесполезно, он продолжал бороться, не сдаваясь до последнего вздоха, до того момента, когда сотни тонн камня раздавят его, впечатав в недра чужой планеты.

Рев двигателя машины изменился, вместо утробистого рычания дракона издав пронзительный стон, словно маньяк, у которого отобрали его жертву. Хонсю замер на самом краю пропасти, а у ног его струился каменно-пермакритовый водонаг. Он выдохнул, только сейчас заметив, что все это время задерживал дыхание. Конечности постепенно обретали чувствительность, и когда сверху протянулась чья-то рука, он схватился за нее не раздумывая, выбрался на ровную поверхность и встал на ноги, для равновесия опираясь на лопату.

— Позволить замуровать себя в стене крепости — тоже способ доказать, что вы настоящий Железный Воин, — сказал Солтарн Фүлл Бронн, — но я бы

посоветовал что-нибудь другое.

Хотя Хонсю уже восстановил контроль над собственным телом, оглушение еще не прошло, он все еще не мог отдышаться, а потому только благодарно кивнул. Бронн оттащил его от землеройной машины, которая опять запустила двигатель и со мстительной меткостью обгала Кузнеца Войны облаком выхлопных газов..

--- Брат Лакүна не любит, когда его останавливают, -- пояснил Бронн, когда клаксоны машины выдали порцию раздраженных гудков и бинарного шума.

Хонсю почувствовал на себе злобный взгляд того, кто сидел в бронированной кабине, и отошел в сторону от машины, которая уже двинулась с места. Из подающих труб потекла густая серая масса пермакрита, она почти моментально твердела, образуя фундамент для блоков, которые подвозили грузовики.

--- Больше не буду, -- пообещал Хонсю. - Он здоровее меня.

--- И это хоть раз удержало вас от

граки?

— Ни разу, — Хонсю ухмыльнулся и покинул плато оценивающим взглядом.

Несмотря на постоянный артобстрел, фортификации уже обретали форму. Линию траншей заполняли щебнем и быстротвердеющим пермакритом, а затем на этой подушке занимали свое место прямоугольные габионы. Стена из них, высотой уже по пояс, щетинилась железными пиками, в ней намечались контуры будущих оружейных амбразур. Артиллерийская дуэль тем временем продолжалась, и Ультрадесант пока лучше справлялся с уничтожением живой силы противника.

Но живая сила врага и не была целью этой вылазки.

Взрывы продолжали грохотать, сотрясая землю, но теперь рабочих хотя бы частично защищали кинетические щиты. Когда пелена дыма над землей начала рассеиваться, стало видно, что плато превратилось в изрытую воронками пустошь, где каменные завалы перемежались кратерами, заполненными

кипящей кровью, тут и там лежали
оторванные части тел. Опустошение,
руины -- и смерть.

-- Вот ваш плацдарм, Кузнец Войны, --
гордо объявил Бронн.

-- Потери?

-- Незначительные, -- Бронн пробрался
по неровной земле к фундаменту будущей
орудийной башни. -- Около двух тысяч
рабочих убито, но на поверхности еще
достаточно людей, которых мы можем
спустить вниз.

-- Машины?

Тут оптимизм Бронна поубавился:

-- По меньшей мере пятьдесят
выведены из строя, половина из них
никогда уже не построит новых
укреплений.

-- Пятьдесят? Так много?

Бронн пожал плечами.

-- Я говорил Дассандре, что наш
противник не похож на других. Это воины
Ультратара, и они сражаются без
жалости -- так же, как мы.

-- Ты ошибаешься, -- возразил Хонсю. --
Они не умеют сражаться так, как я.

--- Может быть, но в любом случае, путь к этим крепостям будет медленным, тяжелым и кровавым. Уж в этом я не ошибаюсь.

Хонсю растегнул поврежденные затворы на горжете и снял шлем. Лицо исчертили красные полосы засохшей крови; он чувствовал, что в щеке застрял фрагмент стекла, но боли не было -- к боли он давно привык, и потому вытернул осколок, даже не поморщившись.

--- Крепости -- это несущественно, -- сказал он Бронну, шагая обратно сквозь ряды грохочущих машин.

Среди дымящихся руин собирались воины, суетились рабы, которые подтаскивали к передовой все новые блоки для растущих укреплений. Строительство было еще далеко от завершения, но самое трудное уже позади. Фундамент заложен и скреплен кровью; с остальным справятся математика и суровая, бесстрастная логика войны.

--- Несущественно? -- переспросил Бронн. -- Но тогда во всем этом нет никакого смысла.

При приближении Хонсю Железные Воины вставали навытяжку, и он видел, что своим решением пойти в самое пекло, может, и не заслужил их безоговорочную верность, но толику уважения точно заработал. Инструменты войны меняются, но для победы всегда нужна сила воли, плоть и кровь. Исход осады решается не калибром орудий и не размерами военных машин: все в руках людей, которые готовы рискнуть жизнью, взрызаясь в землю чужого мира. Так было в давно забытые времена, когда варвары строили первые деревянные палисады, и так будет всегда.

— В свое время ты поймешь, какой в этом смысл, — пообещал Хонсю.

— Скажите прямо, — Бронн требовательно схватил его за руку, — почему крепости не важны? Как мы сможем пробиться вглубь, если не захватим их?

— Мы вглубь не пойдём, — ответил Хонсю. — Я иду один.

— Вы с ума сошли? — бубнел Бронн. — Аргарик Ваанес был вашим лучшим диверсантом, но даже он не смог

проникнуть в тыл врагу.

--- Я не собираюсь нигде проникать, я пройду у них под носом, но они ничего не заметят, -- сказал Хонсю, страхивая сплеча руку Бронна. -- И поэтому-то мне нужно, чтобы ты доверился мне. Поверил мне так, как не верил никому. Сможешь?

Бронн остановился и снял шлем; в его глазах читалась обреченность, рожденная чередой горьких разочарований глиною в целую жизнь.

--- Не хотелось бы, -- ответил он.

--- Что ж, по крайней мере честно, -- застeyaлся Хонсю.

--- А чего вы ждали? Вы стали Кузнецом Войны не потому, что были воплощением чести и надежности.

--- И правда, -- признал Хонсю. -- Но сейчас мне нужно, чтобы ты сражался так, как не сражался никогда раньше.

--- Это как же?

--- Я хочу, чтобы ты начал наступление в пещере, словно надеешься на победу, но на самом деле ты должен просто удерживать позиции.

--- И какой в этом смысл? Если я

атакую, то буду сражаться до победного.

--- Этого мне не нужно, -- возразил Хонсю.

--- Почему? Какая еще может быть цель у войны, кроме уничтожения противника?

--- Слушай меня внимательно, Бронн, -- сказал ему Хонсю. -- В недрах этой планеты скрыто нечто, что повелитель демонов приказал мне уничтожить, и я не смогу выполнить приказ, если за мной увяжется армия Ультрагесантников. Их нужно задержать здесь, не давая сдвинуться с места, пока я не вернусь. Нужно заставить их думать, что ради этой битвы мы и пришли на Калт.

--- А зачем еще мы здесь?

--- Лучше тебе этого не знать, -- ответил Хонсю. -- Есть одна причина, по которой мы здесь, но то, что я должен сделать, я могу сделать только один.

--- Вы оставляете армию? -- воскликнул Бронн, не веря своим ушам. -- Кто же будет командовать? Гренделю Великая рота подчиняться не станет -- он же просто зверь. А это ваше... создание,

которое вы вывезли с Медренгарга, -- оно
омерзительно, и то, что вы позволяете
ему рядиться в цвета легиона, оскорбляет
всех сынов Пертүрабо.

-- Не волнуйся, -- сказал Хонсю с
улыбкой, словно видел скрытую иронию в
этом, что остальные восприняли со всей
серьезностью. -- Гренгель и
Свежерожденный идут со мной.

-- Так кто будет командовать?

-- Ты.

Через пятнадцать часов
строительство вала завершилось: стена
достигла положенных двадцати метров в
высоту, плотно пригнанные блоки облили
расплавленным металлом, а прочность
конструкции обеспечивали арматура из
адамантия и сдобренный кровью
пермакрит в фундаменте, врытом глубоко
в каменную плоть Калта. По всей длине
вала расположились круглые башни,
укрепленные контрфорсами,
отражательные плиты и албразуры для
тяжелых орудий, которые будут
обстреливать долину фугасными

снарядати. В тени увенчанного флагом
вала были вырыты глубокие оружейные
ямы, и рабы, взявшись за измазанные
кровью цепи, перетаскивали в них
широкоствольные гаубицы. Расчеты этих
орудий состояли из бритоголовых
психопатов, жрецов Темных Механикус в
железных масках и калькулюс логи, столь
измененных варпом, что глаза их
воспринимали реальность только как
комбинацию углов, градусов и траекторий.

К битве была готова и армия
Рожденных Кровью — тысячи солдат, кто
в полевой форме, кто в доспехах, на
которых запеклась кровь, и в
устрашающего вида масках, кто просто в
потрепанных обносках, украшенных руной
повелителя демонов, чтобы придать им
сходство с униформой. У вала собрались
целые полки, жаждавшие пролить кровь
врага. Среди пехоты в таком же
нетерпении ждали танковые роты, а
также громогласные демонические машины
и боевые сервиторы, из акустических
которых выплескивалась какофония
ненависти. Десять тысяч мечей стучали о

шипастые щиты, и к грохоту артиллерии присоединился монотонный речитатив на неведомом, нелепом языке.

Пока Рожденные Кровью ждали сигнала к атаке, а Железные Воины занимались привычной для себя инженерией смерти, у середины вала собирались существа иного рода. Они носили одеяния из кожи и казались совершенно неуместными среди машин и механизмов. Из-за своей неровной, дерганой походки они напоминали сломанные заводные игрушки -- или существ, которые не знали толком, как должно двигаться человеческое тело.

Во главе их шел кто-то в грязно-алой мантии -- неестественно высокое создание, худое как скелет и сгорбившееся, словно кости его были сделаны из проволоки. Капюшон на его голове свободно спадал, как будто под ним скрывался удлиненный череп крокодила. Сиплое, свистящее дыхание существа было холодным как могила и столь же безжизненным.

Бронн и Тем Дассандра следили за приближением колдунгов с явным

отвращением.

--- Используя в атаке такие противоестественные средства, мы нарушаем правила войны, -- сказал Дассандра. Он опустил ладонь на рукоять болта, словно решая, не пора ли открыть огонь по ведьмакам.

Бронн пожал плечами:

--- Война есть война, и мы пользуемся тем оружием, что у нас есть. -- Сам он, однако, не мог скрыть, что его тоже нервирует появление этих нескладных тонких фигур. Хотя все было готово к штурму долины, Хонсю приказал не начинать атаку, пока эти демонические колдуньи не сделают свою работу.

--- И что такого может варновство, с чем не справились бы наши пущи? -- не унимался Дассандра.

--- Подождет и увидит.

--- Откуда они вообще взялись? Их не было на кораблях, которые летели к Калту.

--- А ты это знаешь наверняка, да? -- парировал Бронн, начиная уставать от вечных придирок Дассандры. -- Ты обыскал

все темные уголки на наших кораблях и можешь поручиться, что их там не было?

— Их не было, когда мы захватывали Ультимус Прайм, — уже осторожнее заметил Дассангра. — Где же они были, когда нам пришлось сражаться с целой армией скитариев и боевых сервиторов?

— Лучше спроси об этом самого М'Кара, — посоветовал Бронн. — Я уверен, повелитель демонов с радостью ответит на все твои вопросы.

При упоминании М'Кара Дассангра умолк и стал наблюдать за существами, которые тем временем выстроились в круг. Внутрь круга ввели группу рабов, которые двигались вяло и безвольно, словно лунатики. На их воспаленной коже были вырезаны символы, которые ничего не значили для Бронна, но имели, по предвидению, огромный смысл для колдунов. Рабы упали на колени и, глупо улыбаясь, с готовностью склонили головы. Предводитель колдунов вступил в жертвенный круг, и из-под неровного края рункава выскользнул палец, похожий на клинок, частично из плоти и крови.

частично из заточенной стали. Он со щелчком распрямился, как хвост скорпиона, и полоснул по горлу первого раба.

-- М'Кар тот'яр магас тарани утар! -- выкрикнул колдун, когда артериальная кровь хлынула фонтаном, и не успели первые капли упасть на землю, как остальные ведьмаки набросились на жертв, судорожными, порывистыми движениями вгоняя в их плоть клинки и стальные когти. Словно стая хищных рыб, они отдирали от тел куски мяса, и кровь жертв наполняла их, как вода -- пустые мехи. Эти существа, мгновение назад бывшие худыми как скелеты, теперь раздувались, пожирая жизненные силы рабов и насыщаясь темной энергией. В их криках слышалось порочное удовольствие, но радость их оказалась недолгой. Предводитель колдунов с жадностью припал к этому вновьявленному источнику силы.

Кровь отхлынула от ведьмаков клубами темного тумана, и алые вихревые потоки устремились к главарю, как

нефтяные пятна, втянутые в водоворот. Сгорбленная фигура главного колдуна медленно выпрямилась, и теперь он был выше гредноута, уже не хрупкий, а чудовищно огромный. Воздев кривые руки к своду пещеры, он издал крик столь же пронзительный, как звуковой удар «Агского когтя».

В ответ над армией Рожденных Кровью прокатился рокот тысячи барабанов, эхом отражаясь от стен пещеры, а под ее сводом сгустились грозовые тучи. Бронн уже привык к тому, что погода в этой подземной экосистеме постоянно меняется, но здесь было что-то новое.

От одного облака к другому протянулись дуги молний, и с каждой секундой они становились все мощнее, ударяли все чаще. В пещере резко похолодало, от устья туннеля, что вел на поверхность, пришел порыв стылого ветра.

— Железная кровь! — ругнулся Дассандра. — Молнии? Когда вокруг столько металла? Они нас всех прикончат!

Бронн не ответил: он понимал, что молнии эти — необычные, что их не будет так магнитом притягивать к железу. Эти разряды питались энергией варна, и огромная фигура в центре круга колдунов решала, когда им появиться и куда ударить. Гүлкий раскат грома перекрыл иступленный бой барабанов, и молнии каскадом посыпались из облаков. Ощущение было такое, словно реальность каким-то образом сместилась, словно изменилось одно из ее основных свойств. В аномальных облаках вспыхивали ослепительные узоры, и вот хлынул черный дождь, который превратил почву долины в болото и оставил радужную маслянистую пленку на доспехах Железных Воинов.

Опасения Дассангры не подтвердились: молнии не тронули Рожденных Кровью, но сосредоточились на возвышенностях дальше в долине, где размещалась артиллерия врага. Вначале блеснули вспышки детонаций, потом в воздухе выросли грибоподобные облака, а через несколько мгновений стал слышен грохот взрывающихся боеприпасов. Орудия

одно за другим исчезали в электрическом
огне, который вмиг распространился по
всей возвышенности. Зарево от взрывов
подсветило нижнюю кромку облаков, и
Бронн моргнул, стараясь избавиться от
ошеломляющих послеобразов: какие-то
невидимые создания метались в облаках на
черных крыльях, создания с телами
рептилий и пастями, полными клыков.

--- Видишь теперь, чего стоят эти
колдуньи? -- спросил Бронн.

Дассандра коротко кивнул:

--- Признаю, они эффективны.

Большого Дассандра признавать не
собирался, а Бронн улыбнулся, видя, как
пылают в огне варна горные края между
трех крепостями.

--- Прикажи начать наступление, --
сказал он. -- Только танки и пехота.

Дассандра посмотрел на него с
недоумением:

--- Только танки и пехота? А почему
не демонические машины?

--- Потому что таков приказ, --
ответил Бронн.

--- Нам нужно атаковать всем, что у

нас есть, -- настаивал Дассангра. -- В соответствии с доктриной первой волны нужно стремиться к подавляющему превосходству, чтобы сломить волю защитников.

-- Дассангра, я знаю все доктрины Пертурabo, и твои наставления мне не нужны.

-- Тогда почему...

-- Выполняй приказ! -- рявкнул Бронн.

Дождь и расстояние приглушили шум битвы, но даже из-за высокого вала Бронн слышал отрывистый треск перестрелки, грохот взрывов и крики. Дассангра остался с ним; он явно отказывался понимать логику Бронна, но тот не оставил своему помощнику иного выбора, кроме как подчиниться.

Бронн прошел мимо киберорганических военных машин -- вклад Вотира Тарка в завоевание Калта. Машины кричали и глухо топали о землю, игнорируя боевое построение, и Бронн знал, что лучше не смотреть на связывающие береги, высеченные на плоти и металле

их корпусов. Некоторых удерживали
железные цепи, некоторых -- более
эзотерические средства контроля, но все
они были жестокими машинами смерти,
способными сражаться вечно, не зная
усталости.

Если бы киборги вступили в бой, враг
был бы уже разбит, но как раз разбивать
врага Хонсю и не хотел. Чүшь несусветная,
как ни посмотри, но Бронн заставил себя
перестать сомневаться в планах
командира. На стороне Кузнеца Войны был
сам повелитель демонов, а смертному не
дано постичь мысли подобного существа.

Войдя под высокие своды туннеля,
что вел на поверхность, Бронн двинулся
туда, откуда доносились шум гидравлики
и маломощных телта-резаков и лязг
госпехов. Дуговые лампы, установленные
на стенах, освещали высокие штабели
боеприпасов и взрывчатки и отбрасывали
яркие блики на огромные стальные плиты,
которые строители крепили болтами к
полу. В туннеле строили железную дорогу,
чтобы подготовить приход Черной
базилики -- громадного сооружения.

которое было одновременно и передвижным храмом в честь великих богов варна, и невероятно мощной машиной разрушения, способной ровнять с землей целые города.

Железные Воины и армия Рожденных Кровью пришли в долину по туннелям, проложенным передвижными бурильными установками «Агский бур», но для того чтобы прошла Черная базилика, нужно было полностью очистить туннель от обломков. Огневая мощь этого сооружения переломит ход битвы, и Бронн пока не знал, как он сможет сохранять патовую ситуацию, которой так хотел добиться Хонсю, когда на их стороне будет столь сокрушительное оружие.

Бронн задержался на мгновение, приложил руку к стене туннеля, позволяя голосу камня проникнуть сквозь латную перчатку. В свете лампы поверхность скалы поблескивала, словно бледным золотом, вкраплениями кварца и нефрита. Бронн прижался к стене щекой -- и почувствовал все внутренние дефекты камня, ощутил все мельчайшие вибрации и далекие, едва различимые шумы. Черная

базилика приближалась: он чувствовал угрозу, которой горы отзывались на ее митаническую поступь, слышал рокот двигателей, который резонансом отражался в недрах планеты.

-- Еще около двух часов, -- сказал он тихо. -- Максимум три.

Этот мир был охвачен болью, и каждый удар молота или лопаты, каждый поворот бура, пронзавший его кожу, оставляли раны, которые никогда не заживут. Мантия Калта и так была изрыта туннелями, но планету превратили в огромные соты сами же жители, вынужденные уйти с поверхности после того, как Лоргар в злости своей отравил ее солнце. Их Калт принял, но Железные Воины были незваными гостями, и каждая крупница земли, которую они вынимали, в ответ пропитывалась ненавистью.

Бронн отошел от стены и двинулся дальше по туннелю, пока впереди не показались пять выстроившихся в ряд машин, похожих на гигантские торпеды, на коническом носу каждой был установлен

горный бур. В глину «Агский бур» не
уступал «Грозовой птице», но был шире и
обладал лучшей броней. На боках машин не
было никаких украшений -- только
истертый, исцарапанный металл.
Аппарели, ведущие в отсеки экипажа, были
опущены, и штурмовые группы занимали
свои места внутри.

Только одна из установок повезет
Железных Воинов; пассажирами
остальных станут ударные отряды
Рожденных Кровью и астарес из
отступнических орденов, появившихся уже
после Великого предательства. Все эти
ордена отстояли от своих легионов--
прародителей по меньшей мере на шесть
оснований, и тем не менее, их воины смели
называть себя костическими
гесантниками. Вместе с этими
второсортными подделками здесь были и
ксеносы всех мастей: как двуногие и
похожие на птиц, с гребнями из
разноцветных перьевых стержней, так и
паукообразные, четвероногие и вообще
лишенные какой-то определенной формы.

Бронн мог только покачать головой

при виде этого сборога.

--- Я знаю, о чем ты думаешь, -- сказал Хонсю, приближаясь к нему со стороны передового «Бүра». -- Невзрачная армия, да?

--- «Невзрачная» -- это еще мягко сказано, -- ответил Бронн. -- Я со многими могу смириться, но видеть, как низко мы пали... это горько. Когда-то мы сражались рядом с примархами, богаты войны -- а теперь мы принимаем в свои ряды воинов, которым грош цена, но которые все равно называют себя костодесантниками, и ксеносов, что выползли из каких-то задворок галактики.

--- Они просто пшечное мясо, -- возразил Хонсю. -- И если тебя это утешит, они все умрут.

--- Однако в долину вы отправляетесь именно с ними.

--- Нет, они всего лишь приманка, отвлекающая цель, которая заставит Ультрадесант смотреть прямо, а не себе под ноги, где я и пройду.

--- Если прятаться, то на видном месте, -- Бронн медленно улыбнулся, начиная понимать.

— Именно так, — согласился Хонсю.

Появились Кагарас Грендель и существо, которое Хонсю называл Свежерожденным, и рука Бронна рефлексивно потянулась к пистолету. Они заметили этот жест, и поведение обоих сразу же изменилось: Грендель широко улыбнулся, предвкушая драку, а Свежерожденный посмотрел на воина с любопытством, словно прикидывая, какую конечность оторвать ему первой. Усилением воли Бронн заставил себя опустить руку, на что Грендель растеялся и ткнул пальцем в сторону своего спутника:

— Мудрое решение. Он оторвет тебе голову, прежде чем ты успеешь достать пистолет.

Не обращая на Гренделя внимания, Бронн смотрел на гибких и изящных мечников, которые как раз поднимались на борт последнего «Агского бұра». Каждый в этом отряде был великоленным мастером клинка; в поисках достойного противника воины последовали за своим предводителем, Нотой Этассай, на Новый Багаб — и присягнули Хонсю, когда тот

победил Этассай в последнем поединке на Жамбе черенов. Мечники поклонялись Темному Принцу и потому никакого доверия не заслуживали.

— Это война, — сказал Хонсю, заметив, куда смотрит Бронн, — и я без колебаний и сожалений буду использовать то оружие и ту армию, которая у меня есть.

— То же я сказал и Дассандре, — ответил Бронн. — Но я соврал.

Хонсю пожал плечами.

— Ты все еще веришь в старые традиции. Вот в чем твоя проблема, Бронн.

— Пертурabo старые традиции вполне устраивали.

— И посмотри, где он теперь, — возразил Хонсю с неожиданной злостью. — Сидит без движения в своем мертвом городе на Медренгарде, в плену у собственной обиды и горечи. Если он считает, что его так сильно унизили, то почему не идет на штурм имперских крепостей, чтобы уничтожить их все? В мире нет такой твердыни, которую он не

стог бы сокрушить за один день.

Горячность в голосе Хонсю удивила Бронна: он думал, что Кузнеца Войны несколько не заботит ни Долгая война, ни тот примечательный факт, что Пертурabo уже очень давно в ней не участвует. Неужели он, Бронн, заблуждался насчет своего командира -- или это очередная игр

Боль усиливалась.

Его госпех полностью вышел из строя, и двигаться стало практически невозможно. Раньше он был грозным воином, но теперь силы покидали его. Броня, раньше защищавшая, стала тяжким грузом, который слабеющее тело больше не могло нести. Он помнил день, когда получил этот госпех, помнил величественные колонны Каменной галереи и то, как вместе с тысячами братьев по оружию преклонил колени перед притархом в вороненой броне.

Бронн вспомнил, какую несокрушимую гордость ощутил тогда: он стал частью чего-то более великого, чем он сам, и это чувство помогло ему пережить самые темные дни Великого предательства. Но Долгая Война и упадок, в который погрузился легион, показали ему, что несокрушимых вещей не существует.

Можно унижить даже самого уверенного в себе гордеца, можно взять штурмом даже самую неприступную крепость -- и даже самая твердая вера может пошатнуться перед лицом предательства.

В чем он ошибся?...

Атака Рожденных Кровью
провалилась: Ультрагесантники и
ультраатарские солдаты, действуя вместе, сумели остановить наседавших и заставили их повернуть вспять. Свирепые воины Механикус набросились на своих телных братьев с особо лютой ненавистью, потому что враги их когда-то были такими же, как они. Перевес оказался на стороне имперских сил, но в этот момент на поле битвы появилась Черная базилика, и ее орудия нанесли защитникам страшный урон, поставив на грань полного уничтожения.

Но в конце концов и это мощное оружие было потеряно...

По всей пещере валялись обломки черной громадины -- бесценные останки, обреченные ржаветь в здешней влажной атмосфере, ибо некому было их собрать: из

Селных Механикус в живых не осталось
никого. Бронну следовало предвидеть
вероятность саботажа, ведь Гвардия
Ворона именно на этом и
специализировалась: удары из тени и
скрытое проникновение в цитадели с
самой совершенной защитой.

Бронн помнил, как много лет назад
сражался вместе с Кораксом и его
воинами; сыны этого притарха, возможно,
успели забыть те битвы, но его память
сохранила все. Хотя Империям погрузилась
в застой и его костические десантники
были лишь бледной тенью великих
легионов древности, тот, кто провел
отряд в сердце Черной базилики, был
достойным воином. Но Бронн не мог долго
восхищаться профессионализмом
противника -- вернулась боль, он
закашлялся и сплюнул кровавый сгусток.

Уничтожение Черной базилики
деморализовало Рожденных Кровью, и
Бронн проклинал Хонсю за то, что по его
тилости немногие легионеры, еще
оставшиеся в их армии, вынуждены были
сражаться вместе с такими подонками.

Дассангра зарубил несколько десятков, когда окровавленные, сломленные духом солдаты бросились через вал, отступая перед стеной защитников в керамитовой броне и синих униформах.

На поле боя установилось злобещее затишье; противники вернулись на свои позиции, и Бронн с Дассангрой попытались восстановить дисциплину. Угрозами, обещанием богатой добычи и несколькими показательными казнями они добились от солдат послушания, и Бронн уже планировал вторую атаку, когда стряслась новая беда.

Когда Рожденные Кровью выстроились для нового штурма, пришло сообщение, что враг атакует с тыла. Из туннеля, который с таким трудом расчистили для Черной базилики, донеслись отдельные взрывы и треск перестрелки, к которому добавился грохот крупнокалиберных танковых орудий. Такого не должно было случиться. Разве Ультрадесант не был полностью разбит на поверхности? Но панических восточных сообщений, докладывавших о новых

контактах, становилось все больше, и пришлось признать, что катастрофа неминуема.

Из туннеля показалась пестрая армия — наспех восстановленные бронетанки, батальоны, сформированные из остатков других частей, а также сами Ультрагесантники. Эта армия атаковала Рожденных Кровью с яростью берсерков, а когда защитники долины ответили собственным боевым кличем, Бронн понял, что обе стороны каким-то образом поддерживают связь.

Ворота трех крепостей открылись, и тысячи солдат в синей униформе бросились в атаку, на острие которой шли отделения Ультрагесанта. Несмотря на все старания Бронна и Дассангры, вид вражеских армий, которые вот-вот возьмут их в клещи, лишил Рожденных Кровью остатков мужества. Они рассеялись в отдельные группы, каждая из которых думала только о собственном спасении, не понимая, что тем самым подписывает себе смертный приговор.

Молот и наковальня. Две армии

Ультрагесанта соединились, зажав
Рожденных Кровью в тиски, и милосердия
они не проявили. Хотя сражение явно было
проиграно, Железные Воины не собирались
просто сложить оружие и тихо сдаться.
Зная, что Хонсю оставляет их на верную
смерть, Бронн подготовился к такому
повороту событий и теперь ждал нужного
момента, чтобы дать последний выход
своей ненависти.

Дантиох -- Кузнец Войны, предавший
свой легион -- называл такие меры
последним решением в любой осаде, и хотя
бы в этом он был прав.

По всей длине туннеля было
установлено множество подрывных
зарядов, которые Бронн мог активировать
одним сигналом, и когда он увидел, как к
нему с убийственной решимостью
приближается сержант Ультрагесанта,
то понял, что время пришло. Бросив
последний взгляд на фортификации,
которые он с таким трудом построил,
Бронн ударил по пусковой кнопке -- и мир
исчез в огне, грохоте и лавине падающих
каменей. Он думал, что и сам погибнет под

обвалом, но все-таки выжил, правда, ненадолго.

Перед глазами все еще стояло плато взрывов, за которыми последовали вспышки вторичных детонаций и фейерверки рвущихся боеприпасов. Бронн моргнул. Он знал, что умирает, но ради чего он должен погибнуть?

Неужели он был всего лишь помехой, отвлекавшей внимание врага от миссии, которая — в этом не оставалось сомнений — провалилась?

Для воина с таким послужным списком, как у него, это было унижительно.

Земля вновь грозила, и Бронн быстро посмотрел на свои пещеры. Оттуда словно сухой дождь сыпалась пыль, и хрупкие чешуйки расщелившейся каменной породы падали на поле боя с тихим шелестом, как песок в песочных часах. Структурная целостность пещеры не пострадала, но Бронн хотел, чтобы свод рухнул, чтобы его позор был похоронен под миллионами тонн камня, чтобы враг не смог получить подкрепление и добиться окончательной победы.

Почва согрознулася еще раз, но теперь это не были отзвуки взрывов: под землей что-то двигалось. Бронн знал свойства породы достаточно хорошо, чтобы почувствовать разницу; он уже в который раз прижал ладонь к грунту, позволяя катню рассказать о себе, -- и ощутил сейсмический сигнал, подземное эхо от телта-резаков, которые взрызались в катень, словно целая стая амбуллей.

Грунт за треля изуродованными «Василисками» вспучился, а затем взорвался фонтаном щебня и грязи, выпуская на поверхность какую-то железную тушу с желтыми отметинами. Бронн сразу же узнал конический нос и расширенные скребки конвейера, характерные для «Агского бұра».

-- Осторожнее, идиот, -- прошипел он. -- У поверхности грунт всегда слабее.

Тот, кто сидел за рулем «Бұра», явно не разбирался в нюансах работы этой машины и вел ее так, словно это был «Лендрейдер» со сломанным управлением, а не проходческое оборудование высокой точности. Резцовые коронки, выбивая

снопы искр, вспороли корпус дымящегося танка. Металлическая стружка, полетевшая во все стороны, напонила блестящие дипольные отражатели, которые «Грозовой ястреб» разбрасывает, чтобы обмануть радары.

«Агский бур» накренился, потерял устойчивость и пропал из виду, завалившись на бок. Изуродованный танк исчез в огне — взорвался боеприпас; скорее всего, пассажиры «Бура» теперь не смогут выбраться. Если до них не доберутся Ультрадесантники, то рано или поздно они все равно погибнут от недостатка кислорода.

Кто бы ни управлял буровой установкой, в Ущелье четырех долин его ждет только поражение и смерть. Бронна забыл о машине, едва слышались голоса Ультрадесантников, отдававших резкие, отрывистые приказы на боевом аргоне, которое ничуть не изменилось за прошедшие десять тысячелетий.

Практически невозможно представить столь долгий срок. Для Бронны те времена богов и героев были

частью прожитой жизни, но эти воины знали о прошлом только из полужабытых преданий. Они не могли помнить о том, что в его восприятии произошло совсем недавно...

Я был там, когда пали стены Императорского Дворца.

Бронн повернул голову в поисках чего-нибудь подходящего, чтобы не утирать безоружным. Рядом лежал болтер, которого он вполне мог дотянуться, но затем ему на глаза попался Обрушитель — оружие, с помощью которого он уничтожил несчетное количество крепостей и столько же крепостей построил. Его латная перчатка легла на Т-образную рукоятку, и кончиками пальцев он сумел подтащить инструмент поближе к неровной почве. При движении клинок царапал по камням, осыпавшимся со свода пещеры, — черным фрагментом высокоплотной вулканической породы, образовавшейся в результате излияния магмы во времена, когда планета была еще необитаемой.

--- Сплавленная метаморфическая

порода из приповерхностного пласта, --
сказал Бронн и по важным хрипам,
которые сопровождали сделанный вдох,
понял, что легкие все-таки спались. На
втором сердце долго не продержишься, и в
конце концов его израненное тело погибнет
от гипоксии.

-- В своей местности сыны Аврелиана
ничего не упустили, -- заметил он, увидев в
катне вкрапления облученных кристаллов.

-- И все же они потерпели поражение,
-- ответил откуда-то сверху
интеллигентный голос с безупречным
выговором.

Нога незнакомца опустилась на
рукоятку Обрушителя и переломила ее
надвое. Бронна захлестнула ярость, и он
перекатился на спину, не обращая
внимания на пронзительную боль в груди,
которая, однако, уже не могла затронуть
нижнюю часть тела. Посмотрел вверх -- и
увидел широкоплечего воина в лазурно-
синем доспехе Ультрадесанта. На
нагруднике мерцал золотом орел,
наплечники окаймляла поблекшая
изумрудная полоска.

--- Все могло бы обернуться иначе, если бы с ними тогда были Железные Воины, -- прошептал Бронн, прижимая к груди сломанную рукоять Обрушителя. Воин покачал головой и снял шлем, увенчанный лавровым венком. Лицо его отличали классические патрицианские черты -- волевой подбородок, четко очерченные скулы; глаза бледно-голубые, светлые волосы коротко острижены. Настоящий Ультрагесантник до мозга костей.

--- Сегодня вы тоже проиграли, -- сказал воин, вставляя в пистолет новый магазин. -- Не гүтаю, что столь жалкие союзники смогли бы как-то изменить исход той войны.

--- Ты ошибаешься, щенок. Железо вечно, -- возразил Бронн, в изнеможении отворачиваясь. -- Из железа рождается сила. Из силы рождается воля. Из воли рождается вера. Из веры рождается честь. Из чести рождается железо.

--- Что это? -- с откровенным презрением поинтересовался воин. -- Молитва?

--- Это Нерушимая литания, ---
ответил Бронн, чувствуя, как угасают
силы. --- Да будет так вечно.

Ему показалось, что в пламени
разгрома протелькнул чей-то силуэт. Кто-
то пробирался через обломки
«Василисков», вспоротых буровой
установкой, --- призрачная тень человека,
одна рука которого странно блестела в
зареве, словно поверхность ее была из
ртуту. Вряд ли это было физически
возможно, но еще Бронну показалось, что
сквозь завесу из непла и пыли он видит
бледное синее свечение аураметрического
глаза.

«Твоя миссия завершена, --- словно
говорил этот взгляд, --- а моя ---
продолжается....»

--- Зачем вы пришли? --- настаивал
Ультрагесантник. --- Вы же наверняка
понимали, что не сможете победить
верных сынов Жиллимана.

--- Зачем пришли? --- улыбнулся Бронн
и покачал головой, чувствуя, как спадает
со сломленных плеч тяжелый груз. --- Лучше
тебе этого не знать.

До сих пор жизнь еще держалась в его теле только благодаря усилию железной воли; теперь он перестал цепляться за реальность и перед тем, как сделать последний вдох, с вызовом посмотрел на Ультрагесантника:

--- Думаешь, вы выиграли это сражение?

--- Я это точно знаю, -- ответил воин. -- Ваша армия разбита, и Калт снова в наших руках. Оргы твоего хозяина, вторгшиеся на другие миры Ультрамара, тоже будут вот-вот изгнаны. Да, я бы назвал это победой.

--- Время жестоко обошлось с Ультрагесантниками, -- сказал Бронн. -- Когда-то они были властителями Макрагга, но вы -- лишь жалкое подобие тех великанов.

Воин навел на него пистолет.

--- Я бы мог оставить тебя утирать в слезах, но мне невыносимо думать, что ты еще какое-то время будешь оскорблять этот мир своим существованием.

--- Кто ты? -- спросил Бронн. -- Скажи, как зовут того, кто собирается меня

убить.

Вопрос заставил воина на мгновение задуматься, но потом он кивнул:

--- Я Леарх Абант, сержант Четвертой роты Ультрадесанта.

Бронн улыбнулся:

--- Четвертая. Ну конечно, кто же еще.

Затем Леарх нажал на спусковой крючок, и Бронн умер, зная, что прольется еще много крови, прежде чем дела Железных Воинов на Калте будут закончены.